

Елена Богдашина
Харьков

Роль семейных традиций в жизненном сценарии М. Ковалевского

Известный психолог Эрик Берн предложил теорию «жизненного сценария» («неосознаваемого плана жизни»), диктующего людям поступки и поведение в целом. Этот, во многом бессознательный, жизненный план заимствуется у родителей и в дальнейшем человек частично повторяет родовой сценарий. Ярким примером большой роли семейных традиций явился жизненный сценарий известного историка, социолога, юриста, общественного деятеля М. М. Ковалевского (1851-1916). Сам учёный считал, что «главным очагом» «воспитания подрастающих поколений» «несомненно, была и остается семья»¹.

С большой гордостью Максим Максимович пишет о своем казацко-старшинском роде, имевшим родственные связи с известными польскими и российскими фамилиями, в частности по бабке с адмиралом П. С. Нахимовым².

О соблюдении семейных ценностей свидетельствует и традиция называть новорожденных мальчиков в роду Ковалевских преимущественно 4 именами: Максим, Евграф, Петр, Иван.

Отец М. М. Ковалевского (также Максим Максимович) был крупным харьковским помещиком, многие годы исполнявшим обязанности предводителя Харьковского губернского дворянства. Наш герой подчеркивает, что в их семье с высоким социальным статусом не было сословного или национального высокомерия. Среди друзей М. М. Ковалевского по Харьковскому университету были «поляки и евреи, караимы и черкесы; между ними мы не устанавливали различия»³.

В детстве Максим Максимович со стороны родителей не видел проявлений самодурства или жестокости по отношению к крепостным: «В окружавшей меня среде мне трудно припомнить что-либо близкое к той

---

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 68.

² Там же. С. 49-51.

³ Там же. С. 71.

картине дикого и бессмысленного тиранства, какую можно найти в воспоминаниях Аксакова, Салтыкова и Толстого»⁴. Отец М. М. Ковалевского был одним из горячих сторонников ликвидации крепостного права. Его сын и жена подарили крестьянам «третью часть» выкупных платежей, а также «расположенные на реке торфяники... под огороды»⁵. «Почти вся старая прислуга продолжала служить почти до смерти» и по желанию доживала свою старость в имении на средства М. М. Ковалевского⁶. Как и родители, Максим Максимович младший никогда физически не наказывал слуг.

Одним из главных приоритетов в воспитании в семье Ковалевских были патриотизм и чувство гражданского долга. Максим Максимович младший в воспоминаниях выделяет военный статус отца («полковник, служивший еще в Турецкий поход 1811 года в кирасирах, участник Освободительной войны, дважды побывавший в 1813 и 14-м гг. в Париже»⁷). Пока отец был жив, мальчик «обыкновенно сопровождал» его на всех мероприятиях, посвященных героям Отечественной войны 1812 г.⁸ М. М. Ковалевский также подчеркивает нежелание отца делать карьеру в Санкт-Петербурге, объясняя его отказ от предложенного камергерства так: «Слишком дорожил сословною честью. Он дорожил ею настолько, что считал ниже себя отправление каких-либо придворных должностей»⁹.

М. М. Ковалевский нигде в мемуарах не показывает какой-либо любви к отцу, только уважение. Он объясняет малое участие отца в своем воспитании следующим образом: «Так называемое воспитание, т. е. сообщение всех этих нужных и ненужных знаний, а также обучение способу держать себя прилично, как в домашнем кругу, так и в гостях, пало всецело на мою мать. Отец был слишком занят делами, чтобы находить время для этих деталей. Он был прекрасным хозяином, вел успешно дела»¹⁰.

Совершенно другие, очень эмоциональные, переполненные любовью, слова М. М. Ковалевский адресует матери. Максим Максимович пишет про неё: «Она очень баловала меня, и ее смерть была первым моим большим горем»¹¹. Фразу о том, что мама «очень баловала» в мемуарах М. М. Ковалевский пишет неоднократно, вспоминая при этом как любил в детстве физические прикосновения мамы, её поцелуи и объятия: «Как единственного сына, она очень баловала меня и приучила к женской ласке. Во всю мою жизнь я не мог отвыкнуть от нее»¹².

---

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 57-58.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Там же. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Там же. С. 58.

28 августа (10 сентября) 1851 г., т. е. на 2-й день после рождения, младенцу пришлось испытать сильную физическую боль. По настоянию матери была проведена отоларингологическая операция профессором хирургии из Харьковского университета Т. Ванцетти. Решение матери Максим Максимович младший объясняет так: «Я был 2-м сыном в семье. Мой старший брат родился без неба, а я – с одной только заячьей губой. Без неба жить труднее, и он умер младенцем. Мать моя боялась, что со мною повторится то же, что и с ее первым сыном»¹³.

С рождения М. М. Ковалевский был окружен усиленной заботой со стороны окружающих. Мальчик «рос на первых порах худеньким, хрупким и бледным»¹⁴ и «признан был владеющим слабою жизнеспособностью»¹⁵. Мемуарист пишет о питании в детстве, не жалея негативных эмоций: «Откармливали бифштексами, вливали в меня ненавистный мне бульон и заставляли глотать столь же противные мне яйца всмятку»¹⁶. Прием такой «диетической» пищи воспринимался нашим героем в качестве наказания, в отличие от праздничных обедов.

М. М. Ковалевский с теплотой вспоминал о праздниках в имении около Двуречного Кута в Харьковском уезде: «Жил мой отец открытым домом. На праздниках собиралась масса гостей ...длиннейший стол уставлялся всякими яствами. Я часто страдал несварением желудка от непомерной пищи. Меня за это наказывали – ставили в станок, лишали последнего блюда. Но эти педагогические приемы действовали на меня слабо»¹⁷.

С детства Максим Максимович привык к гастрономическим излишествам, большим праздничным столам, переполненным вкусными блюдами. Такое изобилие было распространенным явлением в богатых помещичьих семьях. Избыток вкусной еды помогал М. М. Ковалевскому компенсировать плохое настроение положительными эмоциями от принятия пищи. Чревоугодие не прекратилось, а скорее усилилось, когда в присутствии 13-летнего сына умер Максим Максимович старший «благодаря несоблюдению диеты»¹⁸.

Став взрослым, Максим Максимович младший, копируя отца, устраивал праздничные застолья. Званым днем для молодого приват-доцента (затем профессора) Московского университета был четверг. Шикарные обеды заканчивались, как правило, в третьем часу утра¹⁹.

---

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ В распоряжении наследника – племянника Е. П. Ковалевского – оказались написанные матерью М. М. Ковалевского рисунки, стихи и рассказы (см. *Ковалевский М.М.* Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. ст. Петроград, 1917. С. 7).

¹⁵ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 52.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 229.

Склонный (в отличие от родителей) к полноте, а после 35 лет к тучности Максим Максимович периодически садился на диету²⁰. Впрочем потери веса быстро компенсировались новыми килограммами из-за нарушенного обмена веществ, диабета и других приобретенных болезней.

Приученный к перееданию, М. М. Ковалевский всю жизнь уделял усиленное внимание своему здоровью.

Первоначально с родителями, а затем самостоятельно он совершал ежегодные, как правило летние, поездки в Карлсбад, иногда на другие курорты (Святогорский монастырь, озеро Комо)²¹.

В воспоминаниях неоднократно М. М. Ковалевский подчеркивает, что воспитание осуществлялось преимущественно матерью Екатериной Игнатьевной. Именно мать сформировала его как разностороннюю личность. В частности она способствовала музыкальному и художественному образованию сына, привила ему любовь к опере, музеям, путешествиям. Максим Максимович пишет в связи с этим следующее: «Мать моя была не только женщиной умной, но и женщиной со вкусом и талантом. Она недурно рисовала, играла на фортепьяно и пела приятным меццо-сопрано. Она сохранила культ к итальянской оперной музыке... И впоследствии, живя со мною в Берлине и в Париже, она находила большое удовольствие в посещении опер и концертов. Во время моих первых поездок еще мальчиком за границу я в ее обществе посещал картинные галереи Берлина, Дрездена и Мюнхена и мастерские художников. Мы закупали с нею фотографические снимки с наиболее известных картин. Наградой за хорошее поведение... служили мне разного рода Мадонны, начиная с Сикстинской Рафаэля и оканчивая мурильевской»²². М. М. Ковалевский вместе с мамой посетил Прагу, Вену, Мюнхен, Берлин, Париж, Мадрид, ряд городов Швейцарии и Италии.

Мать, будучи сама высокообразованной и художественной натурой, нанимала репетиторов по рисованию, танцам, музыке. Максим Максимович преуспел лишь в последнем²³.

Екатерина Игнатьевна Познанская после выхода замуж в 23 года за мужчину, старшего на 25 лет, отошла от светской жизни, переехала в имение мужа. Воспитанию долгожданного ребенка она уделяла все свое время, получая от этого занятия (вероятно) невероятное удовольствие. Психологи считают, что поздние дети (маме Максима Максимовича было 34 года, отцу – 59 лет) могут стать талантливыми и образованными, если родители обращаясь с ним, как с большим сокровищем, балуя их и исполняя все их прихоти, не забывают при этом заниматься их развитием.

---

²⁰ Там же. С. 512.

²¹ Там же. С. 77, 508-509, 519; *Ковалевский М.М.* Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 7.

²² *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 58.

²³ Там же. С. 53-54 и др.

До своей смерти Екатерина Игнатьевна оставалась самым важным человеком в жизни М. М. Ковалевского, была залогом его уверенности и эмоциональной защищенности. Благоговение перед матерью, посвятившей ему свою жизнь, он сохранил на всю жизнь.

В молодости свою жизнь он строил, исходя не из собственного мнения, а из мнения своей матери. Так, он завязал с большими дозами алкоголя после одной из студенческих вечеринок в Берлине: «С одной из таких коммершей меня полуживым доставили на дом к великому ужасу матери»²⁴.

Мамино влияние сказывалось и на манере поведения в обществе: «Вкус и умение принять у себя моя мать обнаруживала и в своих светских отношениях»²⁵.

Всё пребывание М. М. Ковалевского в коллективе, как в детском, так и во взрослом возрасте, сводилось к тому, чтобы показывать какой он хороший, самый лучший. Подавляющее большинство мемуаристов подчеркивает, что Максим Максимович был очень приятный в общении, старался даже врагов сильно не задеть и не обидеть²⁶. Ему было трудно отказать кому-то в просьбе (яркий пример: по настоянию С. В. Ковалевской встречали вместе Новый (1891) год на мраморном кладбище в Генуе)²⁷. Желание угодить почти всем характерно именно для маменького сынка.

Формирование психологии маменького сынка, как правило, приводит к неблагоприятному развитию жизненного сценария. Однако в случае с Максимом Максимовичем это не произошло в силу, думается, следующих обстоятельств. Екатерина Игнатьевна сама была выдающейся личностью и сумела воспитать таким же своего единственного сына. В отличие от большинства других маменьких сынков наш герой имел личные стремления и желания, большей частью совпадавшие с мамиными интересами: хорошее воспитание, успешная учеба, профессия юриста, научное творчество, заграничные путешествия.

Семейное воспитание проходило в лучших дворянских традициях. Хорошо знавший М. М. Ковалевского Д. Н. Овсянко-Куликовский давал такую ему оценку: «Типичный русский барин, хороший и добрый, умный и либеральный, истый европеец...»²⁸.

Мать выбирала первые книги для чтения. Она привила сыну любовь к русской классике (сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя). Взрослым Максим Максимович больше любил читать произведения И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина²⁹.

²⁴ Там же. С. 118.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ *Ковалевский М.М.* Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. ст. Петроград, 1917. С. 51-53, 60, 73-75, 84, 114 и др.; *Овсянко-Куликовский Д.М.* Литературно-критические работы. Т.2. М., 1989. С. 460.

²⁷ *Переписка С.В.Ковалевской и Г.Миттаг-Леффлера.* М., 1984. С. 267.

²⁸ *Овсянко-Куликовский Д. М.* Указ. соч. С. 458.

²⁹ Там же. С. 460-463.

Ученый невысоко оценивал тогдашних властителей дум: В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова (как подчеркивает Д. Н. Овсянников-Куликовский, «не значатся в родословной его духа»)³⁰.

В семье царил культ книг. В родительском имении, а затем на харьковской квартире, были собраны большие библиотеки, что также способствовало высокой общей образованности и культуре членов семьи. Позднее М. М. Ковалевский в Болье собрат специализированную библиотеку, насчитывающую около 50 тыс. экз. книг на историческую, социологическую, юридическую тематику³¹.

По субботам в помещицьем доме было принято читать художественную литературу вслух. Это считалось наградой мальчику за прилежное поведение³². М. М. Ковалевский очень любил эту традицию.

Для обучения в том числе языкам родители пригласили двух гувернанток (француженку из Бельгии и немку), а также гувернера из Швейцарии.

Мальчик в детстве хорошо знал немецкий и французский языки, читая не только художественную литературу, но и Вольтера, Ш.Монтескье и Ж.Ж. Руссо в оригинале.

Знакомство с сочинениями французских просветителей произошло благодаря министру народного просвещения Е.П.Ковалевскому, в имении которого Ярошовка мальчик впервые на столе увидел «О духе законов» Ш. Монтескье³³. Дядя также ему подарил книгу о Ж.Ж.Руссо³⁴.

Кроме того, швейцарский гувернер пытался увлечь идеями французских просветителей хозяйского сына. М. М. Ковалевский вспоминал, что И. Гранжан «читал мне отрывки из «Исповеди» Руссо, напевал республиканские песни и вообще развивал меня в таком направлении, что отец однажды, не шутя, спросил мать: «Что, ты его готовишь на виселицу?»³⁵. Именно гувернер дал глубокие знания по истории и философии.

Таким образом, родители обеспечили достойное домашнее образование. Затем матушка и тетя следили за его успехами в гимназии. В период обучения в гимназии мальчик жил на квартире у своей тети (по матери). Бездетная Марина Игнатьевна Рындовская очень любила племянника³⁶. Она приучила ребенка запоем читать сразу несколько книг из своей библиотеки. Труды социалистов, Д. И.Писарева, повесть И. С. Тургенева «Отцы и дети»

---

³⁰ Там же. С. 458.

³¹ М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли: К 145-летию со дня рождения М. М. Ковалевского: сб. ст. СПб., 1996. С. 81.

³² Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. ст. С. 8.

³³ Там же. С. 12.

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 52.

³⁶ Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 10-11.

гимназист читал тайком от мамы и дяди: «Меня застигли на месте преступления, отобрали книгу, долго стыдили за злоупотребление доверием и взамен... вручили мне «Путешествия» Вышеславцева. Но этой книгой я только прикрывал другой запретный плод – сочинения Писарева, и снова был накрыт. Полились слезы матери, распекания дяди и холодное упорство неисправимого мальчика»³⁷. В этом эпизоде зафиксирован мемуаристом единственный случай сыновнего непослушания.

Единственным серьезным детским психологическим комплексом стала наивная религиозность мальчика до гимназии. Вместе с родителями он ездил на богомолье в Белгородский и Святогорский монастыри.

В «Моей жизни» М.М.Ковалевский пишет о своих эмоциональных тревогах при подготовке к первой исповеди. Свое сильное эмоциональное переживание он описывает следующим образом: «Мне сказали, что надо рассказать священнику о всех своих грехах. Мне показалось, что у меня их так много, что мне их и не подумают отпустить. Ревя дня два и затем, во время первого причастия, чувствовал себя как-то особенно счастливым»³⁸. Признаком разрешения этого комплекса стало изменение отношения к религии: «Понадобилось нелепое обучение в гимназии непонятному катехизису, чтобы задушить во мне в корне эти семена религиозного настроения»³⁹. Кроме периода детства, большую часть жизни М. М. Ковалевский был не религиозен, открыто не соблюдал церковные обряды. Став взрослым, исповедался только один раз перед смертью только в память о матери, которая, как свидетельствует племянник Е. П. Ковалевский, была «самой его чистой и глубокой привязанностью в жизни»⁴⁰.

Казалось, при таких благоприятных социальных, финансовых, семейных обстоятельствах должно было вырасти «тепличное» растение, не привыкшее к труду и каким-либо обязательствам в частной и общественной жизни.

М. М. Ковалевский в мемуарах сам признает, что такая опасность существовала. Однако в 13 лет Максим Максимович младший столкнулся с обстоятельствами, которые помогли большей частью преодолеть негативные результаты излишней материнской гиперопеки:

1) Смерть отца в 1864 г. заставила М. М. Ковалевского стать самостоятельным, т. к. «Мать испугалась массы неуплаченных долгов, ответственности за личное управление имением»⁴¹. Подростку пришлось взять на себя ряд обязательств и приучиться к выполнению конкретных поручений: «Я стал помогать матери в составлении опекунских отчетов и вручать десятирублевки служащим при опеке, чтобы дать ближайший ход

³⁷ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 59.

³⁸ Там же. С. 52.

³⁹ Там же. С. 52.

⁴⁰ Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 46.

⁴¹ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 59.

делу. Из отчетов я приходил к заключению, что дела мои обстоят далеко не худо. Жизнь вскоре вошла в прежнюю колею, но пережитая тревога все-таки принесла свою пользу»⁴².

Такую психологическую травму как смерть родителей М. М. Ковалевский пережил по-разному. В связи с тем, что он воспринимал отца как «человека пожилых лет»⁴³, то смерть подросток считал естественной. Испытывая гораздо сильную любовь к маме, Максим Максимович уже взрослым пережил гораздо тяжелее её уход из жизни (Екатерина Игнатьевна переехала в Москву к сыну, где и умерла)⁴⁴. По воспоминаниям его друзей наш герой открыто, навзрыд плакал в связи со смертью маменьки⁴⁵.

2) Провал домашнего экзамена, проводимого родственником профессором Харьковского университета Григорием Семеновичем Рындовским для поступления в гимназию сразу в 5 класс. Несмотря на хорошее знание языков, глубокие знания по истории и некоторым другим предметам, подросток показал серьезные пробелы в русской грамматике, Законе Божьем, латыни, математике, биологии: «Из того, что требуется в гимназии, я знал очень мало: русской грамматики не проходил, катехизиса не учил, не знал ни одного слова на латыни, о геометрии и алгебре не имел ни малейшего представления, зоология и ботаника для меня так и не существовали... Перспектива идти в третий класс мне не улыбалась. Так как для подготовки оставалось еще шесть месяцев, то я впервые в моей жизни признался и с большим успехом выдержал экзамены в пятый класс». Он по всем предметам, кроме Закона Божия, получил высшую отметку на вступительных экзаменах⁴⁶. Максим Максимович пишет о себе: «Мальчик взялся за ум и, убедившись на домашнем экзамене, что он полный недоросль, из самолюбия принялся серьезно за учебники»⁴⁷.

3) Первоначальное неприятие новичка в 5-м классе 3-й Харьковской гимназии. М. М. Ковалевский характеризовал конфликтную ситуацию так: «Меня, как 'маменькина сынка', приняли 'в пиньки'. Я сперва от недоумения только улыбался, а затем, почувствовав боль, стал платить равным за равное. Однажды в увлечении этой 'распределительной справедливостью' я дошел до потери человеческого образа, как выразился наш инспектор, и препровожден был поэтому в карцер»⁴⁸. Изнеженный и заласканный мамой ребенок быстро повзрослел, в частности М. М. Ковалевский научился драться как и все другие мальчишки: «Мои гимназические товарищи недолго дрались со мною,

---

⁴² Там же. С. 59.

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ *Ковалевский М. М.* Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 22.

⁴⁵ Там же. С. 23.

⁴⁶ Ковалевский М. М. *Моя жизнь: Воспоминания.* С. 54-55.

⁴⁷ Там же. С. 59.

⁴⁸ Там же. С. 60.

убедившись в том, что они каждый раз получают сдачу; они оставили меня в покое, а некоторые из них сошлись со мной очень дружелюбно»⁴⁹.

Ребенок, считающий себя кумиром семьи, попав в детский коллектив, сумел найти взаимопонимание со сверстниками. Агрессия, проявляющаяся в драках, была ситуативной и недолгой. М. М. Ковалевский перестал реагировать и на свое гимназическое прозвище «трехгуб»⁵⁰ (шрам на губе после операции). Позднее Максим Максимович будет маскировать этот дефект усами.

На момент поступления на первый курс юридического факультета М. М. Ковалевскому только исполнилось 16 лет. Казалось, наполненный делами распорядок жизни отца должен был стать примером для нашего героя. Однако Максим Максимович младший, как сам признавался, «первые месяцы только играл в карты и посещал провинциальные балы, рауты и обеды»⁵¹.

Вскоре М. М. Ковалевский изменил образ жизни. Эти перемены он объяснил следующим образом: «Пустота провинциальной среды и той «золотой молодежи», среди которой я вращался... стала для меня очевидной. Я сблизился с несколькими товарищами, также искавшими не столько науки, сколько ...выработки самостоятельного миросозерцания, стал показываться в их кружках, читать рефераты и участвовать в вызванных ими прениях, одним словом, зажил жизнью несколько забегающего вперед студента, более озабоченного общим саморазвитием, чем изучением специальности»⁵².

Будучи маменьким сыночком, М. М. Ковалевский сильно идеализировал Екатерину Игнатьевну. Он так и официально (несмотря на романы в т. ч. со знаменитой однофамилицей Софьей Васильевной, профессором математики Стокгольмского университета) официально не женился. Известны два случая, когда он собирался это сделать. Причем в обоих случаях он собирался жениться на вдовах, финансово самостоятельных, состоявшихся женщинах: Елизавете Николаевне Солнцевой-Ковальской и Софьей Васильевной Корвин-Круковской-Ковалевской. В первом случае категорически воспрепятствовала мама, не желавшая видеть невестку – нигилистку и революционерку⁵³ (как активный член «Черного передела» Е. Н. Ковальская через несколько лет была осуждена на бессрочную сибирскую каторгу). Во втором случае другая нигилистка – Софья Васильевна Ковалевская – умерла 29.01. (10.02)1891 г. из-за гнойного плеврита.

Представляется весьма вероятной мысль о неосознанном до конца бегстве от брака, т. к. не видел в детстве примерный образец. Его отец часто бывал в Харькове и в поездках, мать находилась в имении. Вряд ли

---

⁴⁹ Там же. С. 60.

⁵⁰ Там же. С. 51.

⁵¹ Там же. С. 68.

⁵² Там же. С. 70.

⁵³ Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 23.

пониманию супругов способствовала 25-летняя разница в возрасте. Брак родителей скорее всего был патриархальным, а Максим Максимович младший был воспитан в эпоху реформ 1860-х и поэтому легче смотрел на этот общественный институт.

Думается, в обоих случаях брак вряд был бы счастлив: 1) обе женщины не соответствовали конкретному материнскому образу, поставленному на высокий пьедестал; 2) слишком самостоятельны и самодостаточны (проще – большие эгоцентры) были они (как и Максим Максимович). Нечто похожее пишет и Е. П. Ковалевский об отношениях дяди с С. В. Ковалевской: «Этот союз не состоялся, и вряд ли он даже мог быть особенно счастлив: слишком самобытны и крупны были обе личности»⁵⁴.

В обоих случаях наш герой выбирал в жены женщин из своего социального круга (дочерей помещиков), хорошего образования и воспитания.

Со своей гражданской женой итальянкой Луизой Лоренцини М. М. Ковалевский не оформил официального брака более, чем за 15 лет совместной жизни. Его племянник объясняет это и её простым социальным происхождением⁵⁵.

Итак, детство М. М. Ковалевского проходило в очень благоприятных материальных и психологических условиях, в лучших дворянских традициях. Становление личности проходило без особых психологических проблем. Будучи достаточно откровенным в воспоминаниях, Максим Максимович не приводит каких-либо примеров предательства, обмана, несправедливости, насилия по отношению к себе. Даже смерть отца, собственные болезни так и не стали для мальчика факторами, сильно травмирующими его психику. Единственным серьезным разочарованием стала религиозная вера. Детские психологические комплексы в процессе взросления были изжиты.

Самую большую роль в детстве и молодости М. М. Ковалевского сыграла мать Екатерина Игнатьевна. Она помогла сыну сформировать определенную модель поведения в жизни, определила мотивацию его деятельности, оказала существенное влияние на его умственное, нравственное и эстетическое развитие. Жесткий контроль со стороны матери, постоянно бывшей при сыне, продолжался до её смерти.

---

⁵⁴ Там же. С. 31.

⁵⁵ Там же. С. 22.